

Личности в истории. Россия

Сборник статей

Личности в истории. Россия

Серия «Интересно о важном»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444544

Личности в истории. Россия: Сборник статей.: Новый Акрополь;

Москва; 2014

ISBN 978-5-91896-043-1

Аннотация

История России богата на достойных людей, создававших и само государство, и его культуру. Хочется знать их и гордиться ими. Правители, писатели, ученые, философы, просветители, музыканты, художники прошлых веков и современности – им посвящен сборник статей «Личности в истории. Россия».

Статьи эти на протяжении более чем 10 лет публиковались в журналах «Новый Акрополь» и «Человек без границ» и неизменно вызывали огромный читательский интерес.

Содержание

Философы и просветители	4
Василий Ермолин: первый русский реставратор	4
Неугомонный чиновник. Василий Татищев	16
«Неподвижных звезд быть не может». Н. И. Новиков	27
Союз прекрасных дам	37
Е.П.Б. Загадка сфинкса	50
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Личности в истории. Россия Сборник статей

Философы и просветители

Василий Ермолин: первый русский реставратор Наталья Машкова

*Чтобы правильно оценить знаменитую
личность, надо подходить к ней с меркой не нашей
эпохи, а той, когда она жила.*

Марк Твен

...Разрушенный по диагонали собор лежал в развалинах. Не смолкая бил колокол. Люди бежали на площадь, сознавая, что случилось непоправимое. От страшной картины сжалось сердце каждого горожанина. Причудливое творение владимирских зодчих, казалось, было потеряно безвозвратно...

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском был каменной

загадкой на протяжении многих веков. Лишь сейчас, вооружившись научным знанием, ученые увидели в его каменных рельефах модель мирового устройства, симфонию мирового оркестра.

...Между XV веком, когда восстанавливали собор, и XIII веком, когда его строили, – пропасть. Мучительное чужеземное иго, опустошительные набеги, княжеские раздоры. Из пепла вставали города, из пепла возрождалась культура. К тому времени почти не осталось мастеров, традиции храмоводательства были практически утрачены. Ермолин, по поручению великого князя, отправляется поднимать храм Георгия. Действовать пришлось быстро, смело и в одиночку – подсказать было некому.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском

Георгий Победоносец.

Фрагмент скульптуры. 1464 г. Мастер В. Д. Ермолин

Ему предстояло всего за один строительный сезон «поставить его, как и прежде». И он смог. Вот уже более пятисот лет стоит собранный по крупнякам собор.

Так случилось и с кремлевским храмом Вознесения, сгоревшим в пламени очередного московского пожара. Безутешной княгине Марии, матери Ивана III, Ермолин пообещал поправить дело. Но вместо того чтобы, как тогда было принято, разрушить старое здание до основания и строить новое, Ермолин отважился на сложный и не застрахованный от неудач путь: восстанавливать. Неординарное решение проблемы не преминули отметить летописцы: «Домыслив о сем, Василий Дмитриев Ермолин с мастерами каменщиками церковь не разобрал всю; но горелый камень весь обломал и сводыдвигающиеся разобрал и одел ее всю новым камнем да кирпичем обожженным и своды свел, и всю свершил, так что дивились все необычному делу сему...»

Первый скульптор

В 1464 году великий князь Иван III повелел Ермолину украсить главные ворота Кремля. «Того же лета, месяца июля 15, поставлен святой великий мученик Георгий на воротах на Фроловских, резан на камени, а нарядом Васильевым, Дмитриева сына Ермолина».

За лаконичными строками летописи – борьба за рождение

нового. Древняя Русь не знала скульптуры, объемные деревянные изображения – и те были большой редкостью: запрещали церковные догматы. А Ермолин ставит каменный барельеф всадника не где-нибудь, а на воротах святая святых – Московского Кремля.

Факты говорят сами за себя

В биографии этого замечательного человека больше «белых пятен», чем достоверных данных. Однако следы его деятельности говорят о нем больше, чем любые слова.

Судите сами: из 26 известных каменных сооружений, созданных на Руси с 1450 по 1475 гг., 11 связаны с именем Василия Еролина.

Шесть из этих 11 Ермолин строил с нуля, каждый раз становясь первопроходцем. Так было, например, с трапезной Троице-Сергиева монастыря.

Ермолин впервые в России сделал и поставил каменные скульптуры. До него известны единичные скульптурные работы из дерева.

Купец, зодчий, скульптор, Ермолин был еще и знатоком книжного дела, одним из самых просвещенных людей XV века.

Через два года он помещает на другой, внутренней, стороне ворот вторую скульптуру – Дмитрия Солунского. Спирной к спине два святых воина охраняли ворота твердыни.

Выбор покровителя не был случаен. К середине XV ве-

ка Георгий-змееборец стал символом Москвы. Уже с конца XIV века его изображали на печатях, а позже и на монетах. Героической силой Георгия дышало то время. Купец-путешественник Ермолин видел его на воротах и башнях генуэзской крепости в Сурожье, на воротах Галаты – квартала генуэзцев в Константинополе. Есть свидетельства, что в XV веке над воротами столицы Возрождения – Флоренции – также нес свою службу каменный Георгий.

За три десятка лет каменные хранители Москвы стали настолько почитаемы, что превратились в православные святыни. При перестройке итальянскими мастерами стен и башен Кремля в начале XVI века для скульптур были построены приделы к одному из кремлевских храмов.

Время и люди не пощадили московскую святыню. Скульптура Дмитрия Солунского утеряна безвозвратно. А разобранный на кусочки каменный змееборец лежит в запасниках музея Московского Кремля. Вопрос финансирования не позволяет приступить к восстановительным работам. Пока нет возможности сделать даже копию ермолинского Георгия.

Зодчий-новатор

В мае 1474 года до Москвы докатились отголоски «великого труса». Редкое в столице явление, землетрясение поразило самое сердце Кремля – новый, возведенный до сводов собор рухнул. К счастью, никто не пострадал.

Кто знает, как пошла бы история, если бы Успенский

собор дозволили строить Ермолину. Двумя годами раньше московский митрополит Филипп и великий князь Иван III поручили строительство главного храма государства двум приближенным – Василию Ермолину и Ивану Голове, сыну и брату великих казначеев.

Все лето в Москву возили белый камень. 30 апреля собор был торжественно заложен. Но вскоре между подрядчиками вышла «пря». Ермолин указывал на недостатки в технологии, заранее предсказав возможную трагедию, но не был услышан. Достраивать храм поручили не ему. Позже, уже после трагедии, его «диагноз» подтвердил итальянец Аристотель Фиораванти, выписанный из Милана для завершения строительства. Именно ему принадлежит нынешний собор.

Ермолин не устал экспериментировать. Трапезная и поварня, построенные им в любимом Троице-Сергиевом монастыре, поразили знаменитого путешественника XVII века архидьякона Павла Алеппского. Он восторженно отзывался о первой: «Эта трапеза как бы висячая, выстроена из камня и кирпича с затейливыми украшениями, посредине ее один столб, вокруг которого расставлены на полках в виде лесенки всевозможные серебряно-вызолоченные кубки». Двухэтажное здание с башней было увенчано флюгером, к одной из стен прикреплена резанная Ермолиным икона Богоматери Одигитрии. За гармоничный силуэт искусствовед А. И. Некрасов назвал ее «Ермолинской мадонной».

Именно в трапезной Троице-Сергиева монастыря впервые

появился тип торжественной одностолпной палаты. Как полагают, трапезная Ермолина предвосхитила будущую архитектуру и могла послужить образцом для Грановитой палаты в Кремле. Увы, сейчас мы можем увидеть ее только на сохранившихся иконах.

Знаток книжного дела

В то время далеко не каждый купец умел читать и писать. Однако Ермолин, как предполагают многие, владел целой мастерской по переписке книг. В рукописном сборнике Московской Духовной академии, хранившемся ранее в библиотеке Троице-Сергиева монастыря, академиком А. А. Шахматовым была найдена летопись. Она содержит уникальные сведения о строительной деятельности В. Д. Ермолина в период 1462–1472 гг. Это позволило академику назвать летопись Ермолинской, так как, скорее всего, именно Василий Дмитриевич или его семья были ее заказчиком. Заказчик скромнен: обо всех работах Ермолина в летописи говорится лаконично, приводятся лишь сухие сведения. Все восторженные отзывы содержат другие документы.

В хранилищах Сергиевой лавры сохранилось, подшитое к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина, письмо Ермолина секретарю польско-литовского короля Казимира IV Якову, известное как «Послание от друга другу». В письме Ермолин обещает выполнить просьбу о пересылке богослужебных книг. Для этого ему пришлось организовать процесс

их переписывания и переплета: «А я многим доброписцам велю таковы книги сделать по твоему приказу с добрых списков, по твоему обычаю, как любит воля твоя. А я твоей милости добре хочю ласкове подружить, да и послужить».

Кем же был Василий Ермолин?

Ермолин – потомственный купец. Его предок, Василий Капица, упоминается в «Сказании о Мамаевом побоище» в числе десяти купцов-сурожан, отправившихся с Дмитрием Донским на великую Куликовскую битву.

Прадед Василия, купец Ермола (в иночестве – Ефрем), по предположениям, был заказчиком Спасского собора московского Андроникова монастыря. На склоне лет он стал его игуменом. На одной из житийных миниатюр можно увидеть монаха Ефрема, наблюдающего за тем, как Андрей Рублев расписывает собор.

Отец Василия, Дмитрий Ермолин, также к концу жизни отойдя от торговых дел, стал иноком Троице-Сергиева монастыря. Василий пошел по стопам отца и стал купцом-сурожанином. Сурожанами называли русских купцов, торговавших в далеком Суроже, ныне Судак. Этот крымский город с генуэзской крепостью был некогда одним из центров торговли средиземноморского бассейна и для России – своего рода окном в Европу. Особенно активно русские купцы работали с итальянцами. Вольный воздух Возрождения не мог не вдохнуть купец-путешественник.

В летописи Ермолина называют «представителем». Представитель – покровитель, старшина, заботник. На языке строителей – организатор работ, глава артели.

То есть купец был одновременно и заказчиком, и организатором, и зодчим. И в этом Ермолин не одинок. В XIV–XV веках в Западной Европе, и прежде всего в Италии и Англии, зажиточные коммерсанты возводят соборы, строят дворцы, заказывают картины. Так, например, в городе Прато позднеготический дворец Датини, украшенный внутри и снаружи фресками, связан с именем знаменитого предпринимателя Франческо ди Марко Датини. На средства коммерсантов и банкиров были построены дворец семейства Даванцати и палаццо Питти во Флоренции. По заказу флорентийского цеха купцов знаменитый художник Сандро Боттичелли написал композицию «Аллегория Силы». «Мона Лиза» Леонардо да Винчи – портрет жены флорентийского купца.

Василий Ермолин вполне заслуженно встает в один ряд с этими выдающимися деятелями, которые жили не одними только торговыми заботами, но и вносили свой вклад в развитие и возрождение культуры. И все же наш Ермолин уникален. Во всяком случае, трудно найти подобную – столь многогранную – фигуру.

Встреча с такими людьми, как Ермолин, – не только предмет удивления, но и еще один повод поразмышлять о настоящей роли личности в истории. Таких людей – не самых знаменитых, но оставивших СЛЕД, в истории много.

Энтузиазм и неординарность Ермолина сродни духу приключения тверского купца Афанасия Никитина. Близкие по мироощущению, быть может, они не один раз встречались: Ермолин и книжник Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин, философ Нил Сорский, великокняжеские дьяки-вольнодумцы Василий Мамырев и Федор Курицын. Все эти люди отличались смелостью мысли, широтой кругозора.

И еще один вопрос, возникающий при знакомстве с личностью Ермолина: откуда это желание сохранить следы старины? Почему он выбирал трудоемкое восстановление вместо новой постройки? Возможно, здесь говорила не просто любовь и уважение к своим корням, но и влияние Европы, которая открыла для себя античность и на ее основе создавала новую культуру. Для Ермолина такой античностью представлялась домонгольская Русь. Можно ставить ему в вину (как делают сегодня многие) то, как была восстановлена резьба на стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, – хаотично, нелепо, без системы. Но если бы не Ермолин, одной загадкой и одной древней былью стало бы меньше.

Неугомонный чиновник.

Василий Татищев

Юлия Люц

Младший подвижник Петра I, Василий Никитич Татищев в чем-то повторил судьбу своего государя: небывалая энергия, размах в мечтах и планах, жизнь, отданная служению России, — и непонимание окружающих, помешавшее осуществлению многих замыслов...

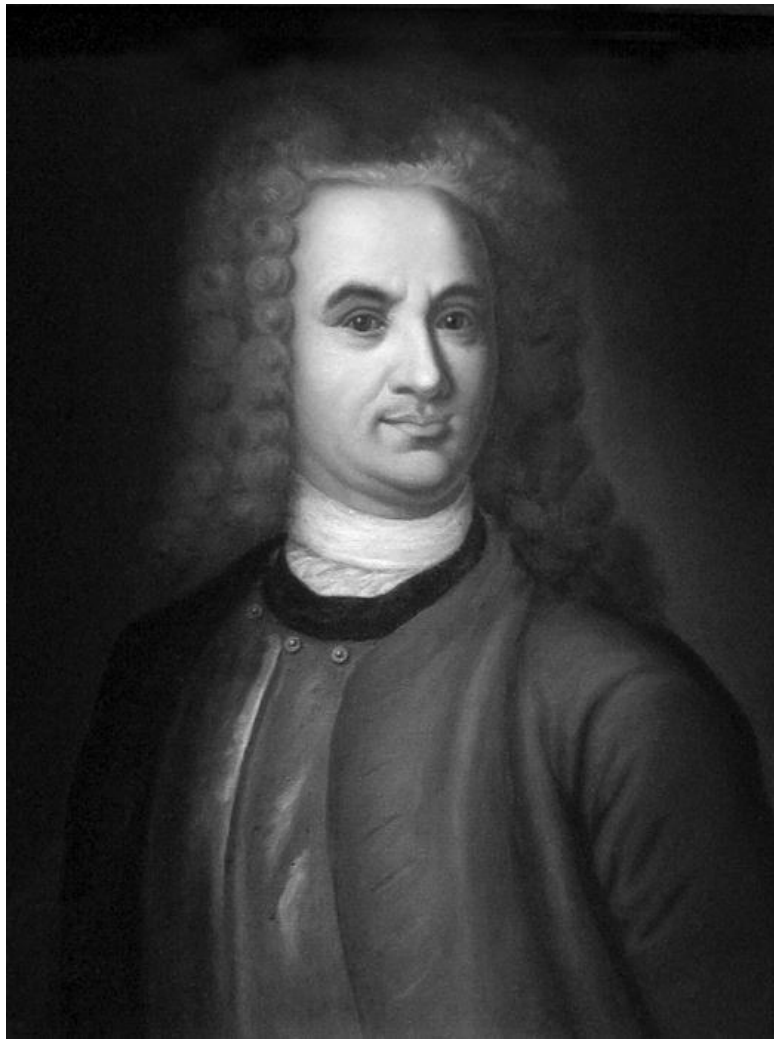
* * *

В апреле 1719 года 33-летний Василий Татищев был приглашен к Петру I в Летний дворец. Само время встречи — знак особого доверия и важности дела: ранним утром любил Петр принимать важные решения.

К тому времени Василий Никитич, офицер для особых поручений при Якове Брюсе, успел проявить себя как человек деятельный, самоотверженный, ответственный, ищущий и доводящий до конца любое начинание, готовый браться за самые трудные дела.

...Петр заговорил о том, что России нужны карты, нужна география, собранные и проверенные сведения о природных богатствах, реках и землях. И в знак особого доверия пока-

зал Татищеву собственноручно начертанную карту мира, где Россия была нарисована как часть света, пока еще без южной и восточной границ, и предложил новое дело.

Неизвестный автор. Портрет Василия Татищева. XVIII в.

Специальным объявлением в сенате Петр I определил его к «землемерию всего государства Российского и сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами»: «Зело нужно то, чтобы познать истинные нужды российские... Надеюсь на великое твое в том прилежание, и в сем ты гораздо постарайся...» – так напутствовал царь Татищева.

Наконец-то большое, самостоятельное, интересное дело! Работа оказалась гораздо сложнее, чем думал Василий Никитич, ну и пусть, его это не пугает! Чтобы создать географию, сначала нужно восстановить историю, выяснить, как разные земли вошли в состав Российского государства, каковы истоки живущих на них народов. Этому занятию и собирается Татищев посвятить многие годы жизни. Но в начале следующего 1720 года его неожиданно посылают на Урал – в окружении Петра не нашлось другого человека, которому можно было бы доверить важное дело...

* * *

На Урал его послали «для осмотру рудных мест и строения заводов» и чтобы увеличить выплавку меди и добычи серебра, если таковое найдется. И всё! Но ограничиться простым исполнением инструкции было не в характере Васи-

лия Никитича: он подошел к своей задаче с государственным размахом и великими мечтами.

Он сразу распоряжается выдавать денежную премию каждому искателю, нашедшему руду.

С первых дней на Урале в должности горного начальника Татищев испытывает неудобства от несовершенства почтовой связи с Петербургом, Tobольском и другими городами: на согласование самых простых вопросов уходят месяцы. Что ж, он разрабатывает проект нового типа почт в России и начинает его осуществлять.

Старые дороги плохи и неудобны? Татищев строит новые.

Он занимается ярмарками, горными законами, новыми ремеслами, богадельнями. Круг его административных забот необычайно широк: он сам взвалил на себя обязанности и воеводы, и губернатора, и судьи.

Он обеспокоен варварским отношением к лесу, ведь если рубить все подряд, через 50 лет деревьев на Урале не останется! И разрабатывая проект обязанностей горного начальства, вписывает в него пункт «О хранении лесов», а также издает грозный указ, запрещающий под страхом смертной казни вырубать леса в окрестностях Екатеринбурга.

Не забывая о необходимости географического описания Сибири, Татищев снимает копии с первых русских карт Урала и Сибири, рассылает во все концы геодезистов – составлять новые карты. Организует систематический поиск полезных ископаемых, требуя, чтобы рудознатцы не только прино-

сили образцы руд, но и составляли чертеж и «обстоятельное описание» самого месторождения. Он разрабатывает специальную анкету и рассылает ее по всем городам и острогам Сибири, собирая сведения по сибирской географии, истории, археологии, этнографии, лингвистике. Во всем мире так еще никто не собирал научный материал!

Даже свои деловые разъезды по Уралу Татищев превращает в научные экспедиции – изучает природу, быт, обычаи, языки местных народов, собирает коллекции минералов и растений, тщательно осматривает Кунгурскую пещеру, интересуется минеральными источниками.

* * *

Чтобы представить себе будущее, не надо быть предсказателем, достаточно посмотреть на сегодняшних детей, чему они учатся, о чем мечтают. И Татищев это чувствует. Мало мечтать о будущем России, создавать проекты. Нужно, чтобы эти проекты мог кто-то осуществлять. Чтобы искать руду, строить новые заводы, плавить металл, делать пушки, создавать карты, нужны специалисты, а для начала просто грамотные люди. И Василий Никитич открывает школы. В 1721 году школа для детей разночинцев для обучения их «цифири, геометрии и горным делам» появляется в Кунгуре, а потом и на других уральских заводах. Но ученики этих школ уже должны знать грамоту, и Татищев предписывает земским ис-

правникам выделить в слободах особые избы для школ, чтобы священники и другие церковнослужители обучали в них чтению и письму хотя бы по десять крестьян.

Позднее в Екатеринбурге Василий Никитич создал горно-заводскую школу, сочетавшую теоретические занятия с работой на рудниках и заводах. Это было ново не только для России, но и для Европы.

Даже с Петром он спорил об образовании – считал, что сначала надо создать первые ступени, а потом уже академию, чтобы профессорам, приехавшим из Швеции и Германии, было кого учить. Иначе в академии будут заниматься только науками, а образовывать некого будет. (К сожалению, потом так и получилось.)

...Непростые отношения сложились у Татищева с Петром. Мыслил Василий Никитич всегда оригинально, с размахом, и Петр с интересом к нему прислушивался. Но уж слишком свободны были суждения Татищева, с самим царем не боялся спорить, и не всегда Петру это нравилось. Да еще и недоброжелатели норовили при любом удобном случае очернить Татищева в глазах царя, ведь Василий Никитич всегда в отъезде, при деле, лично оправдаться не мог...

В проекте об устройении училищ и распространении наук, представленном в 1734 году уже императрице Анне, Татищев предлагал учредить три типа училищ: начальные, средние и высшие, – и тем самым увеличить количество учащихся и снизить затраты на образование. Но его не послушали...

К такой системе образования Россия пришла только в конце XVIII века.

* * *

Многим Татищев был неудобен своей принципиальностью, идеализмом и размахом. Того, о чем он осмеливается мечтать, не существовало и не могло тогда существовать. Но он не отступал. Поэтому-то всю жизнь его преследовали обвинения и судебные разбирательства, хотя он был чище и честнее тех, кто его судил и обвинял. И хотя в большинстве случаев Татищева оправдывали (чист!), как же все это мешало хорошо выполнять дела, отнимая время и силы! Ведь по заведенному порядку на время разбирательств Василия Никитича отстраняли от дел, не платили жалования. Да и хвост сплетен ничего хорошего не сулил...

После смерти Петра Татищев, выполнявший в Швеции его поручения, остался без поддержки и без денег, чтобы хотя бы вернуться домой. Но даже и тогда он не остановился на полпути: составил примечания ко всем статьям о России в «Лексиконе...» историка Гибнера (в словаре не осталось ни одной статьи, в которую Татищев не внес бы свои исправления), продолжил научные занятия, написал и опубликовал на латинском языке статью о костях мамонта, обнаруженных им в Кунгурской пещере, общался со шведскими академиками, изучал шведскую экономику (что можно приспособить

в России?), познакомился с известной шведской поэтессой Софьей Бреннер, уговорил ее написать поэму о Петре I и составил для нее «Краткое изъятие из великих дел Петра Великого».

Но возвращение из Швеции не изменило к лучшему положение Василия Никитича. Его переводили с места на место, каждый раз отправляя как можно дальше: сначала Московская монетная контора (служба там, Татищев предложил реформу российской монетной системы и частично осуществил ее), управление Уральским краем, руководство Оренбургской экспедицией, помощь казахским племенам, просившим российского подданства и защиты, успокоение башкирского мятежа, Калмыцкая комиссия (тогда Татищев добился улучшения отношений с калмыками) и напоследок губернаторство в Астрахани.

За это время он пишет и привозит в Петербург свой главный труд – «Историю Российскую», которую писал почти 20 лет, по ночам, в часы уединения, – и продолжает собирать материал по российской географии.

Но бурная деятельность Татищева снова кому-то мешает. Новая клевета, разбирательство, и в августе 1745 года Сенат предлагает императрице освободить Татищева от занимаемых должностей. «Изустным указом» императрицы ему предписано жить в своих деревнях до указа, а в Петербург не ездить. Даже и удаленного от дел Татищева боялись за его веротерпимость, свободомыслие, принципиальность и раде-

ние за Россию.

Будучи в ссылке, находясь под домашним арестом, уже больной, Татищев превращает свое подмосковное имение Болдино в настоящий филиал Академии наук. Он подает в академию свое «мнение» о затмениях солнца и луны, проект «о учинении вольных типографий», предложения об исправлении русского алфавита и о «напечатании азбуки с фигурами и прописями», составляет почтовую книгу России, готовит к изданию и комментирует Судебник Ивана Грозного, размышляет о веротерпимости. Изучая Уложение законов царя Алексея Михайловича, он сопоставляет их с действующими и разрабатывает проекты новых законов, беспокоясь о том, что «люди более о своей, чем об общей пользе думают, а об общей пользе думать даже времени не имеют». Он передает проект экономических реформ России, посылает в академию рассуждения о русской азбуке, заранее соглашаясь с закрытием своего имени.

* * *

Казалось бы, много в жизни Татищева было такого, что должно было убедить его в утопичности его мечтаний и представлений. А выходило каждый раз наоборот: это словно раззадоривало его, давало пищу для размышлений... Даже к концу жизни он не «поумнел» и о себе думать не научился. Не сделал карьеры, семейная жизнь не сложилась,

работал за двоих, а жалования не видел, при дворе его недолюбливали, да и врагов давно было гораздо больше, чем друзей. Но Татищев не успокаивался, боролся за свои мечты Василий Никитич, словно знал, что сажал семена дел-дубов, которые вырастут через много лет, пусть он сам их не увидит...

И всего через несколько десятилетий люди начали жить в реальности Татищева: стоит на берегу реки Исеть город Екатеринбург, на строительство которого Василию Никитичу долго не давали разрешения, меняется система образования, выпускники созданных им школ развивают горное дело, процветают народные промыслы, шумят сохранные леса, карты выверены и с географией все понятно.

А может, всему свое время, и не надо было Татищеву себе во вред наперед обо всем этом мечтать и за каждый проект бороться, тем более что многие сразу отвергнуты были? Может, не стоило отходить от напутствия отца – ни во что самому не ввязываться? Кто знает?

Литература

И. Шакинко. Василий Татищев. А. Г. Кузьмин. Татищев. М., 1981 (Жизнь замечательных людей).

«Неподвижных звезд быть не может». Н. И. Новиков Дмитрий Зубов

*** * ***

В общественную жизнь XVIII столетия Николай Иванович Новиков вошел внезапно и стремительно. Даже не вошел – ворвался. Никто не ожидал от молодого 25-летнего гвардейского офицера такой неумемной энергии и решительности. Было от чего прийти в замешательство высшему обществу. Неслыханная для дворянина вольность – подать в отставку, чтобы заняться частной издательской деятельностью, служить Отечеству вне «табеля о рангах». Более того, этот «дерзкий писака», не окончивший даже гимназии при Московском университете, осмелился, ни много ни мало, вступить в литературную полемику с самой Императрицей. Россия той поры знала множество настоящих смельчаков, но чтобы открыто выступить против взглядов Екатерины Великой – для этого требовалось что-то большее, чем просто смелость.

Екатерина II, известная своей приверженностью идеям французских философов-энциклопедистов, в мечтах уже ви-

дела всех своих подданных воспитанными в духе Вольтера и Руссо. Со страниц «Всякой всячины» она призывала к терпимости по отношению к человеческим слабостям и недостаткам, полагая, что «похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные». И когда казалось, что вот-вот воцарится общественная идиллия, в картину всеобщего благополучия вторгся Новиков со своими сатирическими журналами.

Д. Г. Левицкий. **Портрет Н. И. Новикова.** 1797 г.

Со страниц новиковских изданий («Трутенъ», «Пустомеля», «Живописецъ») смотрели на читателя малосимпатичные лица всевозможных российских «скудодумов», «безрассудов», «чужесмыслов». Начинаящий автор острым словом живописал «наисокровеннейшие пороки» российских «митрофанушек», «чтобы они все, устыдившись своего невежества, старались быть таковыми, какими им быть повелевают честь, совесть и законы». При этом он не забывал кольнуть и саму Екатерину, всеми силами стремившуюся сохранить перед Европой образ правительницы просвещенной Империи: «Что, де, подумают иностранные об нас, когда увидят, что у нас есть дураки и плуты»?

Не показное бунтарство и не тщеславие двигало Новиковым. Еще в 1767 году, исполняя скромную должность письмоводителя в Комиссии, создавшей по указу Императрицы проект нового Уложения (свода законодательных актов русского государства), он вплотную столкнулся с реалиями российской жизни. Невежество, праздность, нравственная косность не испугали Новикова, не ввергли в уныние. Напротив, все это заставило взяться за перо, чтобы явить обществу «ко исправлению нравов служащие сочинения». Видя в материализме и бездуховности своих главных врагов, он – пока в одиночку – объявляет войну вольтерьянству.

«Материализм есть любимая и главнейшая наука вольнодумцев – в нем находят они убежище всем своим удовольствиям. Ибо ежели душа материальна и гиблюща, то по смер-

ти нет и ответа. Чем более учение сие льстит их желаниям, чтобы не быть вечными, тем более украсили они оное вероятнейшими основаниями».

Успех пришел быстро. Журналы охотно покупали, над публикациями смеялись, автору прочили большое будущее. Но первоначальную эйфорию скоро сменило разочарование. Не о таком успехе мечтал начинающий писатель. Главная цель – «нравственное совершенствование» людей – так и оставалась несбыточной мечтой.

От осознания тщетности усилий могли опуститься руки у кого угодно... Но только не у Новикова. Уже будучи зрелым человеком, он напишет: «Я думаю, что тот только может называться прямо идущим, который, хотя и ошибаясь, однако искал истину, и наконец воистину найдет истину».

Но это потом, а пока – долгий путь осознания своего предназначения: разрыв с Петербургом, переезд в Москву, вступление в масонскую ложу...

* * *

Участие Новикова в масонстве не было данью моде (в те времена чуть ли не треть образованных дворян были масонами). Именно здесь он, наконец, нашел то, к чему стремился всей душой, то, что искал долгие годы: и ответы на мучившие его вопросы, и братскую дружбу, и, самое главное, возможность действовать.

«Кто сидит или лежит, тот нейдет; а мы на то родились, чтобы шли; и так ходить скоро станем учиться у младенцев», – так, с присущей ему иронией, выразил однажды Новиков свое жизненное кредо. И затем каждым своим шагом подтверждал верность этому правилу.

С течением времени под влиянием событий характер издаваемых журналов изменился. «Утренний свет» и «Вечерняя заря» ставили перед своими читателями уже иные вопросы. Что есть Бог? Что есть натура? Один ли существует видимый или чувственный мир, или есть другие миры? Что есть философия и откуда она?

«Познай себя» – эти слова, написанные золотыми буквами на дверях Дельфийского храма, стали ключевой темой всех публикуемых материалов. При этом Новиков не устал напоминать читателям, что «познание себя начинать следует от познания и исправления своих нравственных действий». Ведь «сие аполлоново правило не с тем предписано было, чтобы познавать свои члены, свой стан и свой вид, но значило: учись хорошо познать свою душу».

Свойственный всем масонским организациям покров таинственности и мистицизма поначалу смущал Новикова. Самого себя он не считал мистиком и разговоры о высоких материях оставлял на долю, как ему казалось, более подготовленных. Но разве не мистика тот переворот, который он совершил в издательском деле России?

Судите сами. Взяв в аренду в 1779 году университетскую

типографию, он за три года напечатал в ней больше книг, чем было издано за все предшествующие 24 года ее существования. Занимаясь книготорговлей в мало читающей России, вложив в это дело 20 000 рублей, вырученных от продажи отцовского имения, он имел все шансы разориться. Однако он не только не понес убытков, а сумел в корне поменять отношение россиян к книге. Современники справедливо называли его «основателем новой эры цивилизации России, начавшим истинный ход литературы». Ранее пустовавшие книжные лавки заполнились читающими людьми, принося издателю огромные доходы. Книжная торговля Новикова соперничала по популярности с французскими модными магазинами на Кузнецком мосту. Вместе с тем, предпринимательская жилка Новикова и огромные барыши не мешали ему помнить о том, что «просвещение без нравственного идеала несет в себе отраву». Из массы различной по своим достоинствам литературы он тщательно выбирал только то, что могло служить целям нравственного совершенствования людей. Произведения античных авторов, сочинения средневековых алхимиков, труды лучших богословов перемежались памятниками древнерусской литературы, комедиями Мольера, изданиями для детей.

Часто он отдавал покупателю книги бесплатно, только чтобы пробудить у человека интерес к серьезному чтению. Заказывая переводы книг нескольким авторам, он выбирал лучший вариант, но оплачивал труд каждого, поддерживая

у переводчиков интерес к работе. Доходы от книготорговли тут же направлялись им на дела благотворительности. В Новикове чудесным образом соединились практичная натура предпринимателя и чистая душа философа-идеалиста.

Его взгляды тяжело уложить в традиционные рамки. Философия Новикова – это, прежде всего, философия действия. В письме к Карамзину он однажды признался: «Философия холодная мне не нравится: истинная философия кажется мне огненна, ибо она небесного происхождения». Каждая строка, выходявшая из-под его пера, казалось, дышала жаждой деятельности: «Путь чист, преграда отъята, может быть, дойдем... лишь бы стопы наши были тверды, лишь бы не прельщали нас по обе стороны находящиеся призраки; лишь бы леность не удерживала нас на мягкой мураве, которая не для роскоши нашей, но для облегчения ног наших на пути сем находится; лишь бы малодушие не устрашало нас трудностями...»

Идти рядом с ним было одновременно и легко, и трудно. Трудно, потому что от себя и от каждого шедшего рядом он требовал максимальной самоотдачи: «Что мы легко оставляем, то и весом легко и не есть добродетель; но то, что мы делаем с превеликим усилием воли своей, то воистину добро».

Легко же было от того, что рядом с ним самые фантастические дела казались возможными и реальными. За какие-то 10 лет (с 1779 по 1789 год) благодаря усилиям Новикова и его друзей дело просвещения в России сделало гигантский

шаг. Открыты новые типографии, основано Дружеское научное общество, созданы Переводческая и Педагогическая семинарии; Московский Университет стал настоящим центром русской науки и культуры. Не забывал Новиков и о благотворительности. Выплаты стипендий студентам, раздача хлеба в голодные годы, содержание приютов, больниц, аптек – на все у него хватало времени и душевных сил.

* * *

Деятельное проявление частной инициативы очень скоро навлекло на Новикова «высочайший гнев». В 1792 году на все созданные им предприятия был наложен запрет, а участники «новиковского кружка» оказались под следствием.

Новикову была уготована самая тяжелая участь. После короткого тайного расследования он был заключен в Шлиссельбургскую крепость, а более 18 000 изданных им книг оказались на костре. Подписывая указ, Екатерина и не предполагала, что подводит черту под многолетним спором. Вынося своему давнему оппоненту столь суровый приговор, она тем самым признала в нем достойного противника. Императрица проиграла. Кроме силы, у Екатерины Великой не нашлось аргументов против человека, деяния которого на поприще «истинного министра народного просвещения» надолго пережили свой век.

В 1796 году, освобожденный из тюрьмы Павлом I, Нови-

ков, «дряхл и согбен», уже не смог вернуться к своей прежней деятельности. Но даже в последние годы, живя в подмосковном Авдотьино, потеряв все: здоровье, друзей, состояние, — он ни на минуту не позволял себе оставаться в бездействии: растил сад, писал книгу, заботился о благополучии крепостных. Иначе и быть не могло. Через всю жизнь Новиков пронес святую веру в то, что «неподвижных звезд быть не может, ибо неоспорима истина: что не имеет движения, то мертво, понеже жизнь есть движение».

Союз прекрасных дам

Анна Кривошеина

И жизнь, и слезы, и любовь...

Дворец на Английской набережной, принадлежавший графу Лавалю, собственнику уральских заводов, славился своей роскошью. По мраморным полам, привезенным из дворца Нерона в Риме, скользили в танце патриции нового времени – весь высший свет Петербурга съезжался сюда на балы. Сокровищем этого дома была княгиня Екатерина, дочь Лавалья и жена князя Трубецкого, – обаятельная, нежная, утонченная молодая дама, с которой любил танцевать сам император, ведя непринужденный, шуточный разговор по-французски. Будущее рисовалось светлым и безоблачным – удачное замужество, рождение ребенка...

Все разрушилось в один миг: ее муж, Сергей Трубецкой, был лишен всех чинов, заслуг, званий и приговорен к каторжным работам на рудниках и пожизненной ссылке. На второй день после того, как Сергея в кандалах отправили по этапу, Екатерина поехала за ним в далекую Сибирь. Граф Лаваль страшно беспокоился за дочь и умолил ее хотя бы взять провожатого, однако тот вернулся, заболев, с полдороги, а молодая женщина продолжила путь одна.

**П. Ф. Соколов. Портрет М. Н. Волконской с сыном
Николенькой. 1826 г.**

П. Ф. Соколов. Портрет А. Г. Муравьевой

Н. А. Бестужев. Е. И. Трубецкая. 1828 г.

Н. А. Бестужев. Е. П. Нарышкина. 1832 г.

В Нерчинске, небольшом поселке рядом с рудниками, где

работали каторжники, она встретилась с Марией Волконской – дочерью генерала Раевского, прославленного героя Отечественной войны 1812 года. Некогда Пушкин посвящал ей стихи... Все это осталось в прошлом. Она отправилась в дорогу из Петербурга 21 декабря 1826 года, в канун Нового года, полубольная, перенеся тяжелые роды. В ночь перед отъездом ее невестка Зинаида, зная страсть Марии к музыке, пригласила в дом лучших итальянских певцов, и Мария все никак не могла их отпустить. «Еще, еще, подумайте, ведь я больше никогда не услышу музыки», – просила она. Ей только-только исполнилось 20 лет.

В Иркутске губернатор долго не пускал ее, как и Трубецкую, дальше – у него имелись соответствующие указания императора. «Подумайте, какие условия вы должны будете подписать», – убеждал он. «Я подпишу не читая», – отвечала Мария.

6000 верст дороги – снега, леденящий холод, бескрайние, пустынные земли, нескончаемые леса, грязные почтовые станции. «Я переехала Байкал ночью, при жесточайшем морозе: слеза замерзала в глазу, дыхание, казалось, леденело... Мысль ехать на перекладных меня забавляла, но моя радость прошла, когда я почувствовала, что меня трясет до боли в груди; я приказывала останавливаться, чтобы передохнуть свободно; при всем этом я голодала: меня не предупредили, что я ничего не найду на станциях», – через 30 лет будет вспоминать Мария Николаевна. «Это самая удиви-

тельная из женщин, которую я когда-либо знал», — скажет о своей дочери генерал Раевский. Он так и не смог до конца понять ее поступок.

Когда через год декабристов перевели из Нерчинска в Читу, Трубецкая и Волконская встретились там с Муравьевой, Фонвизиной, Нарышкиной, Ентальцевой, Анненковой. У каждой была своя дорога в Сибирь.

Француженка Полина Гебль еще в Петербурге, когда шел судебный процесс, перебралась ночью на плоту через бушующую, в огромных льдинах, Неву в Петропавловскую крепость, чтобы поддержать Ивана Анненкова. В камере они обменялись кольцами и дали друг другу обет «соединиться или погибнуть». А потом она одна, по бездорожью, не зная русского языка, поехала в Сибирь. Свадьба состоялась в Чите, в присутствии охраны и друзей-декабристов, жених был в кандалах. В качестве особой милости им разрешили побыть вместе после свадьбы — два часа в присутствии офицера.

Каждая из этих дам до конца жизни носила кольцо, сделанное из кандалов своего мужа, — в знак верности и уважения к его страданиям.

Декабристы и другие каторжники называли их «нашими ангелами-спасителями», «нашими феями» и до конца жизни преклонялись перед ними.

Рудники

Вскоре дамы испытали все невзгоды и лишения, которые

постоянно терпели каторжники. Деньги, привезенные с собой, почти закончились, а на содержание отпускали мизерные суммы. «У Каташи (Трубецкой. – А. К.) не оставалось больше ничего. Мы ограничили свою пищу... ужин отменили. Каташа, привыкшая к изысканной кухне отца, ела кусок черного хлеба и запивала его квасом... Мы имели обыкновение посылать обед нашим. Как сейчас вижу перед собой Каташу с поваренной книгой в руках, готовящую для них кушанья и подливы», – писала Мария Волконская. После того как один из сторожей тюрьмы рассказал обо всем Трубецкому, он и его друзья отказались от этих обедов.

Согласно правилам, жены могли видеться со своими мужьями два раза в неделю в присутствии офицера, однако начальник рудников, человек жестокий, почти не давал им этой возможности. И они изобретали другие способы общения. Идя на работы, окруженные солдатами, мужья делали букетики из цветов и оставляли их на земле, а жены подходили «поднять букет только тогда, когда солдаты не могли этого видеть». Постепенно, за годы, дамы добились права сначала общаться с мужьями через забор, потом – поселиться к ним в камеры и, наконец, жить в домах за пределами тюрьмы.

«Они были нашими ангелами-хранителями... для всех нуждающихся открыты были их кошельки, для больных просили они устроить больницу», – вспоминал декабрист Андрей Розен. Каторжникам не разрешалось писать родным, и они не имели известий о них, а равно и всякой денежной

помощи. Тогда писать стали дамы, и с той поры в Сибирь начали приходить письма и посылки. За кого-то они писали 11 лет... Постепенно жены декабристов завоевали уважение местных жителей, а узники их просто обожали. «Вы не имеете права раздавать рубашки для людей, находящихся на иждивении правительства», – кричал на Марию начальник. «Тогда, милостивый государь, прикажите сами их одеть, так как я не привыкла видеть полуголых людей на улице». И рубашки выдавались.

«Я ездила в телеге... но прилично одетая и в соломенной шляпе с вуалью. Мы... всегда одевались опрятно, так как не следует никогда ни падать духом, ни распускаться» (из «Записок» М. Н. Волконской). Благодаря Полине Анненковой они научились разводить огороды и выращивать овощи, «но когда дело доходило до того, что надо было взять в руки сырую говядину или вычистить курицу, то не могли преодолеть отвращения к такой работе, несмотря на все усилия, какие делали над собой», – писала в дневнике Полина. Она вспоминала, как иногда по ночам дамы приходили к ней в домик, и они вместе бежали в огород или в погреб искать какую-нибудь еду «и хохотали досыта». Со временем их отношения переросли в крепкую дружбу, и она сохранилась на всю жизнь.

Удивительно, в их дневниках почти нет рассказов о невзгодах, но все-таки многое можно прочесть между строк. Сорокаградусные морозы («сколько они унесли у нас

здоровья!»), жестокое подавление бунтов, грубость офицеров, болезни. Переживания за друзей, умирающих в тюрьме, сходящих с ума в одиночках. Страх за детей, родившихся на каторге, где не было нормальной врачебной помощи. И постоянная, непроходившая тоска по оставленным в далеком Петербурге детям. «Еще год, и Лизанька станет забавной, но, увы, не для меня. Даже на ножках мне бог не дал ее увидеть... Мне бы очень хотелось... чтобы вы не позволяли ей учиться петь до 15–16 лет, так как я слышала, что это очень плохо для груди», – писала Александра Муравьева своей сестре Софи.

После неожиданной смерти Александрины, ушедшей в 28 лет, каждая спрашивала себя: «Что станет с моими детьми после меня?» Александрина умерла зимой, и вырыть могилу плац-адъютант приказал каторжникам уголовного отделения, пообещав немалые деньги. «Ничего не нужно, – ответили те. – Без нее мы осиротели, сделаем все как надо». Перед смертью она, чтобы не будить свою маленькую дочку, попросила принести ее куклу и крепко поцеловала на прощание.

Во всех невзгодах они оставались самими собой – встречая с достоинством неотвратимое и борясь до конца за то, что зависело от них...

Сибирь – Петербург —...

«Надо сознаться, что много было поэзии в нашей жизни, – вспоминала Полина Анненкова. – Если много было лише-

ний, труда и всякого горя, зато много было и отрадного... Всех связывала тесная дружба, а дружба помогала переносить неприятности и заставляла забывать многое».

В тесной камере, задыхаясь от недостатка воздуха и света, Бестужев мечтал создать корабельный хронометр нового образца. Загорецкий собирал из кастрюли и картона стенные часы в подарок Александрине. Когда со временем режим содержания стал мягче, они выписали инструменты и осваивали ремесла – столярное, ювелирное, кузнечное. Читали друг другу лекции по астрономии, физике, химии, анатомии, философии. В тайных посылках получали литературу по всем отраслям знаний, журналы, газеты, сами переводили книги – от Купера до «Истории Римской империи».

«Достаточно было упоминания в печати о какой-то достойной книге, – писал Николай Лорер, – как наши феи почти тут же ее нам передавали». Трубецкая, переписываясь с родными, помимо семейных вопросов, обсуждала книжные новинки и укоряла свою сестру, жившую в Петербурге в обществе писателей, за незнание литературы.

Влюбившись в Сибирь, они начали изучать ее природу, обычаи сибиряков. Разрабатывали обширный план развития сельского хозяйства Сибири, проекты училищ, строительства дорог. Писали учебники, бесплатно обучали детей. Распространение ремесел в Забайкалье – во многом их заслуга. Особым событием стало открытие мужских и женских школ для детей всех сословий и национальностей.

Многие русские женщины стремились в Сибирь, к своим мужьям, но многим было отказано. Николай I запретил 18-летней Анастасии Якушкиной поехать с детьми к своему супругу – она больше никогда его не увидела. Анастасия воспитывала двух мальчиков в любви и уважении к отцу. Когда сыновья подросли, Иван Якушкин писал им издалека письма-напутствия. Через 17 лет Анастасия умерла, и долго никто не решался сказать ему об этом.

После амнистии кто-то из декабристов остался навсегда в Сибири, другие разъехались по российским губерниям (и о каждом сохранились на новых местах самые благодарные воспоминания), кто-то вернулся в Петербург, в Москву.

Наталья Фонвизина, уезжая, остановила свою карету у каменного столба на границе Азии и Европы. Встала лицом к Сибири и низко поклонилась ей, благодаря за хлеб-соль и гостеприимство людей. «Поклонилась и родной земле, которая неохотно, словно мачеха, встретила меня». В Москве ее приняли холодно, шушуканьем и равнодушием.

«Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов, – писал Лев Толстой, – и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им... и пользовались всяческими почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а... прошедшие жизнь в службе, обедах, картах были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым нечем хорошим было и помянуть свою

жизнь».

Перед смертью Николай Фонвизин попросил свою Наталью написать в Тобольск: «Передайте, пожалуйста, всем моим друзьям и товарищам, назвав каждого по имени, последний привет мой на земле. Другу же моему, Ивану Якушкину, передайте еще, что я сдержал данное ему слово при получении от него в дар, еще в Тобольске, этого одеяла, обещая не расставаться с ним до смерти».

За два дня до своего ухода из жизни декабрист Александр Поджио приехал на могилу дорогих своих друзей – Марии и Сергея Волконских – и долго сидел, глядя на плывшие по небу облака.

Е.П.Б. Загадка сфинкса

Елена Сикирич, руководитель русской классической философской школы «Новый Акрополь»

Ее называли СФИНКС СОМ XIX века. Люди либо любили ее, либо ненавидели, либо восхищались ею, либо поливали грязью. Ее труды либо вызывали бурю споров и обвинений, в большинстве своем несправедливых, либо давали толчок интереснейшим духовным поискам, научным открытиям, благодаря им рождались новые философские мировоззрения и произведения искусства. «Пожалуй, никому в XIX веке не удалось столь изрядно пощипать перья религиозных предрассудков, спиритического шарлатанства и интеллектуального снобизма, как ей. Стоит ли удивляться, что клеветники обвиняли ее именно в том, против чего она сражалась почти в одиночку с силой, меткостью и дерзким юмором Гаргантюа», – писал доктор П. Вайнцвайг.

Кто Вы, госпожа Блаватская?

В богатой событиями биографии Е.П.Б. было почти все и «на любой вкус». Знакомство с ее жизнью и удивительными

приключениями, уникальными способностями и талантами во многих людях рождает недоуменный вопрос: неужели все это правда и нет в этом ни малейшей выдумки? Ведь нужно учесть, что шел XIX век, что женщинам той эпохи была закрыта возможность получить образование и большинство из них ждала одна участь – выйти замуж, вести домашнее хозяйство и, если повезет, изучать этикет, языки и музыку.

Елена Петровна Блаватская

В эпоху, когда транспортные коммуникации не были развиты так, как сейчас, Елена Петровна объезжает чуть ли не весь мир, терпит два серьезных кораблекрушения, участвует в сражениях за освобождение Италии и получает тяжелые ранения, несколько раз заболевает странными, неизвестными болезнями, грозившими ей смертью, да и вообще нередко оказывается между жизнью и смертью и всегда чудом спасается. Ей удается проникнуть в Тибет, прожить там несколько лет, получить удивительные познания и стать ученицей Великих Учителей – Махатм Мудрости, чтобы потом вернуться в «западный мир», передать ему давно забытые учения и вновь рассказать о существовании Братства Мудрецов, хранителей этих учений, с давних времен известных и почитаемых на Востоке. Она основывает знаменитое Теософское общество, отделения которого очень быстро возникают во многих странах. Она обладала такими сверхъестественными парапсихологическими способностями, что, если составить перечень совершенных ею «чудес», он будет очень длинным. И эти чудеса были столь невероятны, что люди с трудом верили в них... Общественность предпочитала считать их фокусами и обвинять автора в мошенничестве...

Говорят, что поистине выдающимся можно назвать человека, которого уважают даже его враги. Что бы о ней ни говорили и кто бы о ней ни говорил – почитатель или ярый противник, Елену Петровну Блаватскую всегда считали гениаль-

ной. Ее даже называли «мошенницей века» – виной тому несправедливый «вердикт», вынесенный лондонским «Обществом психических исследований» и опубликованный в 1885 году в нашедшем отчете: «Г-жа Блаватская заслуживает того, чтобы навсегда войти в историю в качестве одной из самых искусных, изобретательных и интересных мошенниц». Целый век этот вердикт кочевал по книгам, энциклопедиям и средствам массовой информации, повсюду, где только заходила речь о ее жизни и деятельности. Даже теперь есть люди, которые, не прочитав ни одной ее строчки, остаются твердо убеждены, что Е.П.Б. была обманщицей и чудачкой.

Да уж, Елену Петровну Блаватскую действительно знал весь мир...

Понадобилось целых сто лет, чтобы осудившее ее «Общество психических исследований» ее же и реабилитировало в своем отчете 1986 года, который начинается словами: «Согласно новейшим исследованиям, госпожа Блаватская, соосновательница Теософского общества, была осуждена несправедливо».

Уже в наше время социолог Теодор Роззак, оценивая значение Е.П.Б. и ее трудов для современности, говорит о ней как об одной из «величайших незакрепощенных женщин своего времени», добавляя: «...даже с учетом всей критики, направленной против нее, Е.П.Б. предстает как один из оригинальнейших талантов нашего времени... И, прежде всего,

она принадлежит к числу современных психологов-новаторов визионерского типа».

Так или иначе, Е. П. Блаватская оставалась величайшей загадкой даже для близких друзей и соратников. Как же одиноко, должно быть, было ей! «Когда сталкиваешься с воспоминаниями и суждениями тех, кто лично знал Е.П.Б., будь то ее друзья или недруги, поражает многообразие существующих о ней мнений, словно речь и идет не об одном, а о многих совершенно различных людях, носящих одно имя... Вплоть до того, что, кажется, нет ни одной отличительной черты человеческого характера, которой не обладала бы эта удивительная женщина.

В действительности же никто не знает ее полностью, со всеми ее качествами и особенностями, так что даже самые близкие и любимые, общаясь с нею, нередко чувствовали себя растерянными и смущенными. Трагедия ее одиночества очевидна», – писала Анни Безант.

«Ей придется много страдать»

Чрезвычайно трудно охватить в журнальном очерке всю жизнь Е. П. Блаватской, наполненную бескорыстным трудом, удивительными приключениями и необычными событиями. Ее биографию можно назвать самым настоящим «практическим пособием», иллюстрацией к учению философов о судьбе и предназначении.

Сначала ты живешь «как все», но другие потребности,

другие стремления живут в твоей душе, живут своей – сокровенной – жизнью. Они настолько сильны, что, вопреки логике, вопреки здравому смыслу, страху и непониманию окружающих, ты принимаешь мужественные решения, по зову сердца совершаешь рискованные поступки, забываешь о себе, отправляешься в путь и ищешь... впереди одни неизвестные, ты очень боишься, все «висит на волоске»... и тут вмешивается сама Судьба. Вопреки тебе самому и несмотря на твои страхи, слабости, проблемы, своей невидимой рукой она ведет тебя по жизни, приводит к нужным людям и нужным знаниям, к новым открытиям и важным деяниям, к твоему предназначению... Но при условии, что ты раньше времени не сдался, что не перестаешь верить, стараться, искать, сражаться, чтобы ни происходило... Вся жизнь Е.П.Б. – тому подтверждение. Читаешь ее биографию и лишний раз убеждаешься, что самые важные и самые яркие грани предназначения открываются, когда ты идешь по пути и сражаешься, никак не раньше... Причем то, что тебе открывается, и то, что сбывается, значительно превосходит твои самые смелые ожидания.

Елена Павловна Фадеева (1789–1860), бабушка Е.П.Б.

Елена Андреевна Ган (Фадеева) (1814–1842)

Например, философия говорит о чрезвычайной важности таких периодов жизни, как детство и юность. Именно в это

время могут проявиться богатства нашей души и внутренне-го мира, спящие в нас загадочные потенциалы, стремления и таланты, вокруг которых будут строиться наше предназначение и весь наш жизненный путь, – но только если рядом будут чуткие родители, воспитатели или близкие, которые смогут все это увидеть и оценить. Елене Петровне повезло, но оттого ей не было легче... Она родилась в ночь на 12 августа (по старому стилю 31 июля) 1831 года в Екатериносла-ве – городе, основанном графом Потемкиным на Днепре, в землях Новороссии, – где служил ее отец. Она происходила из русской аристократической семьи, но никогда не любила говорить о своей весьма примечательной родословной.

По материнской линии Елена Петровна принадлежала к одному из самых древних родов, восходивших к Рюрику, основателю династии русских князей. Бабушка Е.П.Б., Еле-на Павловна Долгорукова (по мужу Фадеева), была удиви-тельной, выдающейся личностью. Прекрасно образованная, весьма одаренная художница и музыкант, серьезный ученый, она к тому же свободно говорила на пяти языках и состояла в ученой переписке со знаменитыми европейскими натура-листами. В своем поместье она создала библиотеку и музей и наполнила их редкими коллекциями, которые сама собира-ла. Она также занималась широкой благотворительностью, основала и содержала сиротский приют и спасла от голода немало бедных семей. Доброта сердца, эрудиция и воспи-тание, данное бабушкой, оказали огромное влияние на ма-

ленькую Елену, рано оставшуюся без матери. Мама Е.П.Б., Елена Андреевна Фадеева, была известной писательницей. Ее сочинения признавали необыкновенным явлением в русской литературе. Елену Андреевну даже называли «Лермонтовым среди писательниц» и «русской Жорж Санд». Она рано скончалась, оставив двух маленьких дочерей. Елене, старшей из них, было тогда 11 лет. Младшая сестра Е.П.Б. Вера вспоминала, что до самой смерти их мать очень переживала о том, как сложится судьба старшей дочери, «одаренной сызмала незаурядными свойствами». Последние слова матери, произнесенные на смертном ложе, были в чем-то пророческими: «Ну что ж! Может, оно и к лучшему, что я умираю: по крайней мере, не придется мучиться, видя горькую участь Елены! Я совершенно уверена, что доля ее будет не женской, что ей придется много страдать».

По отцу, полковнику Петру Алексеевичу фон Гану, Е.П.Б. принадлежала к роду немецких графов фон Ган, они были очень известны в Германии, а позже – в России, куда эмигрировали задолго до рождения отца Е.П.Б.

Это от немецкой бабушки Елена унаследовала «курчавые белые волосы и живой, добродушный, веселый нрав».

Девочка подрастала и быстро развивалась, и близких часто поражал ее непростой характер и способности, несвойственные детям ее возраста. Трудно сказать, что больше изумляло родных и какая сторона ее натуры преподносила им больше «сюрпризов» – в ней даже в детстве слов-

но уживались две личности. Одна – своенравная, независимая, упрямая и порой неуправляемая, настоящее «стихийное бедствие» для нянек, воспитательниц и домашних слуг. Другая – добрая, щедрая, тонко чувствующая, с необыкновенно развитыми интуицией, воображением и даже ясновидением.

В своих воспоминаниях о детстве и юности Вера, сестра Е.П.Б., рассказывает, что люди боялись не столько шалостей и оригинальных выходов Елены, сколько ее искренности: она всегда говорила правду в открытую, без всяких «вокруг да около». Она ненавидела лицемерие. Особо беспокоила родных ее манера говорить людям в лицо то, что она о них думает: в приличном обществе это считалось признаком дурного тона. Но в то же время, пишет Вера, «она была так добра и так смела, что готова была все отдать неимущему, все сделать для друга и на все решиться в защиту обиженного» и при этом «никогда не помнила зла и обид... Она умела подмечать слабости человеческие и странности и дурные свойства, но никогда не смеялась над несчастьем, над уродством физическим. Она, напротив, обиженным всегда бывала готова помочь, а своих обид никогда не помнила.

Невозможно было быть менее злопамятной, чем она, и прощать искренне всех своих недругов. Эта прекрасная черта всю жизнь ее отличала».

Непосредственность, искренность и правдолюбие ребенка, отсутствие всякой дипломатичности и в то же время –

всякой злобы и злопамятства благодаря чересчур даже доброму сердцу... Острый язык Елены Петровны принес ей множество неприятностей, прославил ее как среди поклонников, так и среди врагов. Жаль, что мало кто по достоинству оценил по-детски чистую доброту ее души, которая всегда проявлялась даже по отношению к злейшим врагам и предателям. Много лет спустя один из учеников Е.П.Б. вспоминал: «Одно было в ней особенно примечательно. Она никогда, никогда не питала злобы, не терпела тайного злословия, никому не давала понять, что в ее душе остался хоть след раздражения или неодобрения, хоть какая-то тень былого... Все прошедшее просто стиралось начисто и полностью забывалось».

Так же как в детстве она предпочитала играть с детьми прислуги и дружить с людьми низших сословий, в зрелые годы Е.П.Б. безудержно тянулась к тем, чье положение в обществе было ниже ее собственного, проявляя подчеркнутое безразличие к «благородным», к которым она принадлежала по рождению.

Еще более изумляли окружающих неординарные способности девочки. По словам сестры, в те бесхитростные времена никто не знал такого понятия, как «ясновидение», и сверхъестественные способности Елены объясняли ее богатой фантазией и сильной чувствительностью. А Елена утверждала, что все имеет «живую, сокровенную душу», которую глазами не увидишь, но с которой можно общаться «от серд-

да к сердцу», что природа живет своей таинственной жизнью и полна невидимых обитателей. Ссылаясь на воспоминания Веры, А. П. Синнетт, один из биографов и соратников Е.П.Б., передает: «Она слышала голос каждой формы, каждого тела, органического и неорганического; и уверяла, что сознание и жизнь присущи не только определенным таинственным силам, видимым и слышимым ей одной там, где другие не находили ничего, кроме пустоты, а даже зримым, но неодушевленным предметам, таким как галька, плесень и фосфоресцирующие гнилушки». Она утверждала, что все самые удивительные приключения героев сказок происходили с ними на самом деле, и близко к сердцу принимала их испытания. Ей нравилось собирать детей на песчаной отмели рядом с помещьем, где они находили огромное множество окаменевших останков морских существ, или в полутемной большой музейной комнате бабушки, рядом с чучелом какого-нибудь экзотического животного, и рассказывать чудесные, захватывающие дух истории. Она пересказывала свои видения, говорила о былой, полной приключений жизни этих существ, о жизни, которая текла в прошлом на пространных давно исчезнувших или давно покинутых своими обитателями, заставляя слушателей видеть все это чуть ли не наяву. Рассказывала она так ярко и живо, уверяя, что видит и слышит все это, что взрослые тоже невольно увлекались ее повествованиями.

Елену неудержимо тянуло к странному старику – столет-

нему пасечнику, которого она навещала при каждом удобном случае. Звали его Бараний Буряк, жил он неподалеку от Саратова, а в деревне его считали колдуном. Он знал очень многие свойства трав и растений и мог предсказывать будущее. Вера вспоминала: «Приходя к нему, она задавала кучу вопросов, а потом с жадным вниманием слушала, как научиться понимать язык пчел, птиц и зверей... Он нередко говорил нам: „Эта маленькая барышня совсем не такая, как вы. Ее ждет большое будущее. Жаль, что я не доживу до той поры, когда исполнятся мои предсказания; но исполнятся они непременно!“»

Девочка также обладала совершенным слухом и была очень способна к музыке, живописи и языкам.

Несмотря на то что маленькая Елена охотно рассказывала о своих видениях и делилась всем, чем жила, ее сердце, как зеницу ока, хранило одну тайну, которую Елена Петровна открыла лишь много лет спустя: у девочки был «друг», «невидимый Покровитель», о существовании которого не ведал никто, кроме нее. Судя по самым ранним детским воспоминаниям Елены, этот Покровитель всегда появлялся в ее грезах наяву, в ее сновидениях и в те минуты, когда ей грозила смертельная опасность. Его облик никогда не менялся: светлый, светящийся лик, длинные черные борода и волосы, белые одежды и белый тюрбан на голове... Он общался с ней и учил ее во сне и не однажды спасал ей жизнь, а изумленные родственники все пытались понять, какое чудо опять уберег-

ло ребенка... Е.П.Б. говорила, что образ «невидимого Покровителя» ее сердце сохранило как самое сокровенное воспоминание детства и юности: «У меня всегда была вторая жизнь, таинственная, непостижимая даже для меня самой, пока я не встретилась во второй раз со своим еще более таинственным индийцем».

Львиное сердце Е.П.Б.

Самой большой шалостью и самой оригинальной выходкой юной барышни стало ее замужество. В 1848 году 17-летняя девушка сообщила родным, что выходит замуж. Ее выбор всех ошеломил. Через год она стала женой Никифора Васильевича Блаватского, государственного чиновника 40 лет, годившегося ей в отцы, и перебралась в Грузию, в имение под Тифлисом, где Блаватский служил губернатором. Решение Елены о замужестве было самой настоящей глупостью, более того – она приняла его в пылу спора, проявив детское, инфантильное упрямство, о котором, очнувшись, горько пожалела... Все попытки сначала расстроить свадьбу и потом – уговорить мужа «отпустить ее с миром» оказались тщетными.

И вновь уроки судьбы на ее примере: любую глупость всегда можно исправить, даже если для этого требуются все мужество, вся решимость, безумные поступки и такое львиное, непокорное, горячее сердце, какое билось в груди Е.П.Б. После многих отчаянных, но неудачных попыток развестись

она сбегает от мужа. В один из сентябрьских дней, ускользнув от охранявших ее слуг, Елена одна, верхом на лошади умчалась из Тифлиса. В то тревожное время это было весьма рискованное предприятие. После невероятных и опасных приключений она пересекла русско-турецкую границу и «зайцем» на корабле добралась до Константинополя, навсегда покинув Россию, своих родных и близких. Так началась новая, свободная жизнь Е.П.Б., череда длинных путешествий, увлекательных приключений и загадочных событий.

Невероятными усилиями, рискуя всем на свете, Е.П.Б. сама, собственными руками резко изменила свою судьбу. Не сделай она этого, не прими одного-единственного важного решения – и мир не знал бы Госпожи Блаватской. Страшно представить, что ее душа могла бы медленно «умереть», не будь у Елены такого изначального мужества и решимости, закрой она перед собой те удивительные пути, которые готовила ей судьба и о которых в то время сама юная и неопытная русская барышня знать не могла. Невольно задаешься вопросом: на какой могущественный, загадочный зов откликнулось сердце девушки, если она смогла вот так все бросить и всем рискнуть? Очевидно, что страх замужней жизни не мог дать такой мощный толчок – ее вело нечто более сильное, высокое, выходившее за пределы ее личной судьбы.

Что ее призывало?.. кто ее призывал?!

Согласно философским учениям о судьбе, не бывает на-

прасных усилий и напрасных страданий, когда речь идет о настоящем благом деле. В самой тяжелой ситуации и в самом отчаянном предприятии на твоём пути всегда появятся те, кто помогут, спасут, окажут покровительство, – появятся «случайно», по «стечению обстоятельств», именно тогда, когда ты меньше всего этого ждешь и когда это менее всего вероятно.

Юная Блаватская с матерью. Автор картины, предположительно, сама Елена Петровна. Оригинал хранится в До-

*— C'était un moment !
C'était un moment pour un être
— Un être qui se souvient de
— Ramez le 12 Août 1851.*
Lorsque je rencontrais M. de la Maître — de mes rêves !!*

** Le 12 août — c'est juillet 31 style russe — jour de ma naissance — Vingt ans !*

Рисунок Е. П. Блатаской из записной книжки

Жизнь и странствия Елены Петровны – удивительное подтверждение этой истины. Куда бы ни приезжала и где бы ни останавливалась, она всегда была без гроша в кармане и зарабатывала на жизнь как могла и знала. Чем только ни занималась Е.П.Б. – начиная с изготовления чернил, галстуков и других вещей и кончая уроками музыки, концертами, которые она давала как пианистка, написанием статей и книг. У нее никогда ничего не было, но ее щедрая русская душа

всегда трогательно откликалась на беду тех, кто нуждался и страдал еще больше, чем она, и часто это были люди, которых она видела первый раз в жизни, случайно встречала на улице, на дороге, на пароходе. Она отдавала все, чтобы помочь друзьям, знакомым или первому встречному, – все силы, здоровье, последние вещи и последние деньги.

Но Платон недаром говорил, что чем больше отдаешь, тем больше получаешь. Неудивительно и даже понятно, почему, где бы ни была Е.П.Б., всегда находились те, кто помогал ей в беде, оказывал поддержку и покровительство и даже обучал всему необходимому. Помощь каждый раз приходила в нужный момент, назло многочисленным недоброжелателям, которые называли Елену Петровну легкомысленной и беззаботной, удивляясь, с каким юмором она относилась к постоянным и непростым бытовым трудностям.

В Константинополе Е.П.Б. посчастливилось встретиться с одной своей знакомой – русской дамой, графиней Киселевой. Вместе с ней она отправилась путешествовать по Турции, Греции, Египту, Восточной Европе, Франции и Англии. Ее тетушка Надежда Андреевна Фадеева писала об этих временах: «В первые восемь лет она не давала о себе знать родственникам по материнской линии, боясь, что ее выследит законный „господин и хозяин“». Только отец Елены знал, где она находилась.

Он понял, что никогда не убедит ее вернуться к мужу, смирился с ее отсутствием и посылал деньги туда, где ей бы-

ло проще всего их получить.

Мечты становятся явью

И вновь уроки судьбы: любое предназначение, связанное с осуществлением настоящего благого дела, выходящего за пределы личной судьбы человека, открывается благодаря одной-единственной знаменательной встрече, о которой душа мечтает долгие годы и которая вновь переворачивает всю жизнь...

Идет 1851 год. Е.П.Б. находится в Лондоне, где в то время проходит всемирная выставка «плодов трудов всех наций», в том числе последних достижений науки и техники.

Елена прогуливалась по улице и смотрела на делегатов из разных стран; взгляд ее остановился на индийской делегации, как раз проходившей перед ней... Вдруг она увидела высокого индуса с длинными черными волосами и бородой в белых одеждах и в белом тюрбане... Ее изумлению не было предела... Она мгновенно узнала его! Оказывается, загадочный Покровитель из ее детства, которого она считала плодом своего воображения, – живой, реальный человек! Елена встретила и узнала своего Учителя, родной и любимый образ своих грез, того, кто всегда незримо сопровождал ее... Вот оно, счастье!

В этот день ей как раз исполнилось 20 лет. Ближайший друг и соратник Е.П.Б. графиня Констанс Вахтмейстер в своих воспоминаниях описывает эту незабываемую встречу так,

как слышала о ней от самой Е.П.Б.: «Она тут же узнала его... Ей хотелось кинуться к нему и заговорить, но он знаком велел ей оставаться на месте, и она стояла как зачарованная, пока он не прошел мимо. На следующий день она отправилась в Гайд-Парк, чтобы побыть одной и обдумать это необычайное происшествие. Подняв голову, она увидела тот же самый облик; приблизившийся к ней Учитель сказал, что он прибыл в Лондон с индийскими принцами по важному делу, что он непременно должен переговорить с ней наедине, потому что ему требуется ее участие в работе, которую он собирается предпринять. Он... также сказал, что ей придется провести три года в Тибете, чтобы подготовиться к выполнению этой важной задачи».

В день своего 20-летия Е.П.Б. находит первый ответ на вопрос, кто ее тогда призывал и что ее тогда призывало... И узнает, что помимо всех бесчисленных путей в жизни существует еще один – загадочный, но очень реальный Путь Ученичества, со своими этапами и испытаниями, обучением, передачей знаний, со своей благородной миссией, в осуществлении которой она, Елена, может принять участие. Она испытывает особое, неведомое до сих пор счастливое состояние души и сознания – состояние Ученика, у которого отныне и впредь будет настоящий, живой, родной и любимый Учитель...

И вновь уроки судьбы. Ученический путь долог и тернист, идущего по нему ждут непростые, порой тяжелейшие испы-

тания... И в этих испытаниях всегда спасают именно доверие и любовь к учителю, даже если ты его долго не видишь, не общаешься с ним часто и особенно если очень долго, годами его не встречаешь...

Е.П.Б. прекрасно понимала, как тяжела задача, которую поставил перед ней Учитель, – проникнуть в Тибет, чтобы вновь встретить его и подготовиться к более важной миссии. Удивительно, но задание Учителя она выполняет! Только для этого ей понадобилось целых 17 лет странствий по всему свету, которые продолжались с 1851 по 1868 год.

За это время она предпринимает две неудачные попытки проникнуть в Тибет (в 1854 и 1856 годах) и совершает почти два кругосветных путешествия. Список стран, где побывала Е.П.Б., огромен, в нем представлены все материки: Канада, Северная, Центральная и Южная Америки, Индия (неоднократно), Китай, Япония, Бирма, Цейлон, Ява, Сингапур... Она объехала почти всю Европу, включая Балканы, вновь побывала даже в России (в течение года), а также посетила Египет, Сирию, Ливан, Персию... Везде она знакомится с удивительными, загадочными, порой экзотическими культурами и людьми, приобретает глубокие познания и, как всегда, попадает в невероятные передряги, сталкивается лицом к лицу со смертельными опасностями, и каждый раз ей кто-то помогает, кто-то ее спасает, защищает и что важнее всего – учит. Два самых знаменательных своих путешествия в Индию она описала в интереснейшей книге «Из пещер и дебрей

Индостана». Этот сборник путевых очерков предназначался для русского читателя и был впервые опубликован под псевдонимом Радда Бай в журнале «Московские ведомости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.